

Внезапно узнав о своём истинном происхождении и увидев, как Юэ Мэй впала в истерику, даже он почувствовал усталость.

Он не винил Синь Юаньяня за то, что тот скрывал от него правду о клане Цзюнь-ши. Синь Юаньянь, вероятно, боялся — боялся, что он расстроится или даже покинет его из-за этого.

Однако, несмотря на то, что он давно предполагал нечто подобное, связанное с кланом Цзюнь-ши, ему всё же было трудно смириться с этим.

Гу Чжису подошёл к окну, его взгляд снова устремился на полную луну, а пальцы невольно перебирали что-то в рукаве.

— Господин.

Услышав внезапный голос Ху Цинь-эр, Гу Чжису резко обернулся и спокойно спросил:

— Что случилось?

Ху Цинь-эр протянула что-то через окно, положив это на стол, с выражением почтительности и лёгкого удивления:

— Это было найдено на Юэ Мэй. Прошу вас взглянуть.

Гу Чжису, увидев её действия, опустил взгляд на деревянную коробку на столе, лёгким движением пальцев открыл её полностью.

— Соломенная кукла? — В тот момент, когда он разглядел содержимое, его глаза сузились. Пальцы скользнули по пучку соломы, дате рождения, написанной на ней, и серебряной игле, воткнутой в дату. — У Юэ Мэй не было времени самой искать соломенную куклу. Вероятно, только госпожа Синь могла позволить себе такую роскошь. Похоже, это она подбросила её, чтобы навредить мне или клану Цзюнь-ши.

Ху Цинь-эр тоже так думала, но она не знала, чья дата рождения указана на кукле. Видя, что её господин задумался, она тихо спросила:

— Но мы не знаем, чья это дата рождения...

— Это дата рождения Старой госпожи. — Гу Чжису мельком взглянул на коробку, снова закрыл её и передал обратно Ху Цинь-эр. Его глаза блеснули в темноте. — Какая наглость — проклинать Старую госпожу смертью. Если бы эту коробку нашли, даже в Дворе Мяоюэ, мне бы не избежать наказания. Госпожа Синь действительно мастер интриг.

Ху Цинь-эр, услышав это, тоже внутренне удивилась. Подумав немного, она опустила голову и тихо доложила:

— Молодой господин, наши люди сообщают, что состояние Старой госпожи, похоже, ухудшается. Она может не протянуть долго.

Гу Чжису повернулся к ней и спросил:

— Есть ли подробности?

Ху Цинь-эр покачала головой. Вспомнив ситуацию в Главном дворе, она слегка нахмурилась и, немного помедлив, ответила:

— Там лечат только придворные врачи, и Старая госпожа почти никого не допускает к себе. За ней ухаживает только Матушка Суй. В последнее время людей, ухаживающих за ней, становится всё меньше, а врачи приходят и уходят всё чаще. Поэтому я и сделала такой вывод.

Гу Чжису слегка поднял глаза, взгляд его скользнул в направлении Главного двора. Его выражение было мрачным, а глаза — глубокими.

— А как насчет еды? Вы обращали на это внимание?

— Старая госпожа пользуется маленькой кухней, поэтому мы не можем точно сказать, сколько еды она употребляет.

Услышав это, Гу Чжису слегка улыбнулся. Его взгляд медленно смягчился, и он тихо вздохнул:

— Похоже, Старая госпожа действительно в плохом состоянии.

Ху Цинь-эр не совсем поняла его, крепко держа коробку:

— Господин?

— Раз эта коробка была предназначена для того, чтобы закопать её в Дворе Мяоюэ, я не могу просто так оставить её без внимания. Это было бы неуважением к её стараниям. — Видя её недоумение, он не стал сразу объяснять свои намерения, а лишь слегка наклонился и прошептал ей пару слов на ухо. В его глазах будто отражались осколки света.

Ху Цинь-эр крепко сжала коробку и, повернувшись, ответила:

— Слушаюсь, молодой господин.

Гу Чжису проводил её взглядом, пока она не исчезла во дворе. Его лёгкая улыбка постепенно рассеялась, и спустя какое-то время он тяжело вздохнул, закрыв обе створки резного окна.

Солнце тихо опускалось, постепенно освещая Двор Жунли, когда песок в песочных часах начал медленно просачиваться. Длинные пальцы поймали несколько песчинок, но они быстро соскользнули с кончиков пальцев.

Когда Ху Цинь-эр тихо доложила о вчерашних событиях и повернулась, чтобы уйти, Ляньчжу, которая ждала неподалеку, чтобы сделать свой доклад, подошла и, обращаясь к человеку, который переодевался за ширмой, сказала:

— Молодой господин, господин Мужун передал сообщение, что завтра он хочет встретиться с вами в чайной напротив Павильона Идэ.

— Похоже, он знает, что Павильон Идэ принадлежит мне. — Гу Чжису позволил Циньхуань, стоящей за ним, аккуратно уложить его длинные волосы поверх верхней одежды. С лёгкой улыбкой на губах, он вышел из-за ширмы и приказал:

— Отправь ему ответ, что я обязательно приду.

— Слушаюсь, молодой господин.

Весна только начиналась, и всё вокруг оживало. В Минду царила суета, улицы и переулки были заполнены криками торговцев, а тёплый воздух, колеблясь, разносился с лёгким ветерком.

Группа студентов, идущих вдоль главной улицы, тихо обсуждала что-то. Один из них внезапно поднял голову и, увидев в ближайшем переулке слугу, быстро идущего с подносом в руках, удивился и потянул за рукав своего товарища, указывая на поднос в руках слуги, и тихо спросил:

— Эй, чей это слуга? Ты видишь, что у него в руках? Что-то блестит, как золото.

Студент, которого он дернул за рукав, посмотрел в указанном направлении и увидел молодого слугу в тёмно-синей куртке, лет семнадцати-восемнадцати, который быстро шёл, держа в руках серебряную коробку. В коробке лежал золотой лист с надписью, но из-за расстояния её нельзя было разобрать.

Несколько студентов, услышав вопрос, тоже обернулись и посмотрели на слугу. Один из них, старший в группе, увидев серебряную коробку и золотой лист, не смог сдержать зависти и, заметив, что слуга направляется к особняку генерала Сяо, громко сказал:

— Ты знаешь, что в Минду недавно открылся новый театр?

Увидев, что первый студент, задавший вопрос, тоже покачал головой, а другие задумались, старший студент понял, что некоторые из них знают, а некоторые нет, и продолжил:

— Это приглашение от Театра Жунъань. У слуги в руках специально изготовленный золотой лист, который рассылается только знати. Есть также серебряные и медные листы, и то, какой лист отправляется, зависит от ранга и титула.

Как только он закончил говорить, те, кто не знал об этом, выразили удивление и начали обсуждать:

— Такой способ рассылки приглашений действительно необычен.

— Но как они решают, кому какой лист отправлять?

— Разве они не боятся ошибиться и обидеть знатных людей Минду?

Один из студентов, услышав это, улыбнулся, и в его глазах блеснул свет:

— Ты не знаешь, но управляющий Театра Жунъань — не обычный человек. Это господин Мужун, придворный учёный. Кроме того, другой владелец — старший сын генерала Сяо. В столице все знают этих двоих, и мало кто хочет с ними ссориться. Даже если они ошибаются, это касается только мелкой знати. Если какие-то мелкие чиновники попытаются устроить скандал, они не побоятся.

Услышав, что за Театром Жунъань стоят кланы Мужун и Сяо, несколько студентов кивнули и замолчали. Другой студент, видя, что первый замолчал, вдруг улыбнулся с хитрой усмешкой и, понизив голос, сказал:

— Есть ещё приглашения в форме пиона, которые рассылаются жёнам и дочерям знати. Если бы можно было получить такое приглашение и попасть в Театр Жунъань, можно было бы встретить много знатных девушек!

— Ты хорошо придумал.

— Жаль, что мы, простые люди, можем попасть туда только за большие деньги.

— Эх, с нашим достатком, нам туда не попасть.

— Точно. — А что там вообще показывают?

<http://bllate.org/book/16652/1526518>